https://doi.org/10.34680/vistheo-2024-6-2-337-367

Культ святых и становление межрегиональных связей на Руси: сакральная визуализация кросскультурных процессов

С. С. Аванесов
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Великий Новгород, Российская Федерация
iskiteam@yandex.ru

Для цитирования:
Аванесов С. С. Культ святых и становление межрегиональных связей на Руси: сакральная визуализация кросскультурных процессов // Визуальная теология. 2024. Т. 6. № 2. С. 337–367. https://doi.org/10.34680/vistheo-2024-6-2-337-367

Аннотация. Статья посвящена исследованию визуальных форм выражения кросскультурных процессов в средневековой Руси XV–XVI вв. на примере Новгорода и Москвы. В указанный период происходило формирование общего культурно-политического пространства Московского государства. Одним из наиболее выразительных аспектов данного процесса являлось помещение региональных святых («гениев места») в общее литературное, художественное и литургическое пространство. В статье анализируются первые случаи создания иконографических композиций (ансамблей), главными действующими лицами которых становились местночтимые святые – преподобный Варлаам Хутынский (Новгород) и преподобный Сергий Радонежский (Москва). Это (1) роспись церкви преп. Сергия Радонежского в Новгородском Кремле, (2) роспись церкви св. Симеона Богоприимца в Новгородском Зверине монастыре, (3) белый клобук Новгородского архиепископа Василия Калики, (4) московская икона Богоматери Одигитрии, (5) икона-таблетка из «святцев» Новгородского Софийского собора и (6) икона «Спас Смоленский» на Спасской башне Московского Кремля. Исследование позволяет сделать вывод о том, что практика сакральной визуализации кросскультурных процессов демонстрирует важнейшую роль религиозного осмысления и художественного воплощения тех духовных авторитетов, которые могли выступить своеобразными гарантами объединительных тенденций. Священные изображения при этом не столько иллюстрировали, сколько инициировали новые культурно-политические тренды, входя в сферу повседневных религиозных практик в качестве прообразов или предвестников желаемого положения дел. Именно в таком качестве местночтимые святые Варлаам Хутынский и Сергий Радонежский, сопричастствуя в едином художественном пространстве, визуально отмечают формирование общерусской культурной традиции, тем самым перерастая свой прежний локальный статус и входя в глобальный круг подвижников вселенской Церкви.

© Аванесов С. С., 2024

Ключевые слова: региональные культуры, кросскультурные процессы, локальные культы святых, общее культурно-политическое пространство, средневековая Русь, Новгород, Москва, Варлаам Хутынский, Сергий Радонежский, иконография, сакральная визуализация.

Финансирование: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 24–18–00672 «Культурный код города: человек, история, идентичность», https://rscf.ru/project/24-18-00672/.

The cult of saints and the establishment of interregional ties in Old Rus': Sacred visualization of cross-cultural processes

Sergey S. Avanesov
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Veliky Novgorod, Russian Federation
iskiteam@yandex.ru

For citation:
Avanesov S. S. The cult of saints and the establishment of interregional ties in Old Rus': Sacred visualization of cross-cultural processes. *Journal of Visual Theology*. 2024. Vol. 6. 2. Pp. 337–367. https://doi.org/10.34680/vistheo-2024-6-2-337-367

Abstract. The article explores visual symbols of cross-cultural processes in medieval Rus' in the 15th – 16th centuries by examples of Novgorod and Moscow represented by their two major saints. During this period, the formation of a common cultural and political space of Muscovy took place. One of the indications of imminent unification was that regional saints ('genii loci') were integrated in the united literary, artistic, and liturgical spaces. The article analyses the inception of iconographic compositions featuring two locally venerated saints – St. Varlaam of Khutyn (Novgorod) and St. Sergius of Radonezh (Moscow). These iconographic compositions are (1) painting decoration of the church of St. Sergius of Radonezh in the Novgorod Kremlin, (2) painting decoration of the church of St. Simeon the God-Receiver in the Novgorod Zverin Monastery, (3) the white cowl of Novgorod Archbishop Vasily Kalika, (4) the Muscovite icon of the Mother of God Hodegetria, (5) the tablet icon from the menologium of the Novgorod St. Sophia Cathedral and (6) the icon of the Smolensk Savior on the Spasskaya Tower of the Moscow Kremlin. The author argues that the practice of sacred visualization of cross-cultural processes demonstrates the crucial role of religious conceptualization and artistic embodiment of saintly figures acting as guarantors, even as personifications of unifying tendencies. Sacred images initiated rather than illustrated new cultural and political trends, entering the sphere of everyday religious practices as heralds of expected changes. In this way, locally venerated saints Varlaam of Khutyn and Sergius of Radonezh, co-present in a joint artistic space, visually indicated the formation of an all-Russian cultural tradition, thereby outgrowing their previous strictly local status and entering the global host of saints of the universal Church.

Keywords: regional cultures, cross-cultural processes, local cults of saints, common cultural and political space, medieval Rus', Novgorod, Moscow, Barlaam of Khutyn, Sergius of Radonezh, iconography, sacred visualization.

Funding: the research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24–18–00672 "City's cultural code: People, history, identity", https://rscf.ru/project/24-18-00672/.

Постановка, изучение и решение проблемы соотношения локальной / региональной и общенациональной идентичности требуют процессуально-хронологического подхода к названному предмету, то есть принятия во внимание его исторического аспекта. Так можно достичь понимания того, на чём (или на ком) «держится» эта интегральная идентичность и насколько, будучи «универсальной», она необходимо связана с локальными / региональными традициями, событиями, ценностями и персонами, в какой степени она исторически обусловлена ими и потому зависит от них. Та общенациональная российская идентичность, которая уходит своими корнями в средневековую русскую историю, в своих критически важных пунктах опирается на *сакральный* культурный опыт и неразрывно связана с «территориальными» культами святых как осознанно почитаемых «гениев места»[1]. Особенно важным этапом в процессе формирования общероссийской идентичности является, бесспорно, объединение Новгородской Земли с Московской Русью.

Основная идея следующего краткого исследования состоит в том, что политическое присоединение Новгорода к Москве не было культурным поглощением или культурной ассимиляцией. Если на политическом уровне слияние Новгородчины с Московской Русью являлось настоящим завоеванием первой со стороны второй, то в сфере культурно-религиозной (и особенно художественной) традиции это было скорее взаимовлияние, взаимопроникновение и, следовательно, взаимное обогащение. Подтверждением этого тезиса служит художественно-изобразительная традиция, которая визуально фиксирует вновь возникающие культурные связи и тем самым по сути свидетельствует о перерастании локальной идентичности в общенациональную.

Когда во второй половине XV века происходило присоединение Новгорода к Москве, это не было присоединением локальной (провинциальной) культуры к культуре общенациональной (универсальной). Москва была не менее (а то и более) региональна и провинциальна, чем Новгород, и вся универсальность была у неё ещё впереди, во многом – благодаря как раз вхождению Новгорода в состав Московского государства. Иначе говоря, это была встреча двух региональных культур, двух локальных «версий» русской идентичности. На самом «острие» двух региональных традиций, представляя и возглавляя собой эти традиции и во многом олицетворяя их, находились местночтимые святые – новгородский преподобный Варлаам Хутынский и московский преподобный Сергий Радонежский (ил. 1–2). Их именем и происходило объединение двух древних русских областей.

[1] О значении «гениев места» в формировании локальной идентичности см.: Замятина, Замятин 2007; Спешилова 2023, 44.

Ниже предпринята попытка последовательно рассмотреть и проанализировать ранние (и только ранние) иконические композиции, в составе которых впервые соприсутствуют преподобные Варлаам Хутынский и Сергий Радонежский, в плане исследования истории визуальной фиксации двух региональных агиологических традиций в пространстве формирующегося единого «поля» общенациональной сакральной идентичности. Это (1) роспись церкви преп. Сергия Радонежского в Новгородском Кремле, (2) роспись церкви св. Симеона Богоприимца в Новгородском Зверине монастыре, (3) белый клобук Новгородского архиепископа Василия Калики, (4) московская икона Богоматери Одигитрии, (5) икона-таблетка из «святцев» Новгородского Софийского собора и (6) икона «Спас Смоленский» на Спасской башне Московского Кремля. Названные художественные произведения положили основание широкой изобразительной традиции, в которой соприсутствие преподобных Сергия и Варлаама призвано было наглядно выражать духовное единство русского народа.

I

Святые Сергий и Варлаам впервые изображаются вместе (с большой вероятностью) в росписях надвратной церкви преподобного Сергия Радонежского в новгородском Кремле [Смирнова и др. 1982, 317]. Эта церковь была задумана, возведена и посвящена «московскому» святому по прямой инициативе новгородского архиепископа Ионы Отенского († 1470). Весьма любопытен исторический контекст этого строительства и посвящения.

Отношения между Новгородом и Москвой на протяжении довольно долгого периода были, мягко говоря, непростыми. Ещё в 1170 году Новгород вынужден был отбиваться от владимиро-суздальской осады. В 1456 году новгородцы проиграли войну московскому князю Василию II Тёмному и в результате потеряли Бежецк, Вологду и Волоколамск, самостоятельную внешнюю политику и право на использование новгородских печатей (Яжелбицкий договор). И это не считая контрибуции. В 1471 году, уже после смерти архиепископа Ионы (а возможно, и вследствие этой смерти) Иван III, подозревавший новгородцев в измене, разгромил новгородское войско на Шелони, а Новгород превратил в вотчину московского великого князя. Без контрибуции не обошлось и на этот раз. Ещё через семь лет, в 1478 году, произошло окончательное присоединение Иваном III Новгорода к Московскому государству – с упразднением республиканского правления и вывозом вечевого колокола (ил. 3). Святительское служение Ионы Отенского приходится на период между первыми двумя разгромами Новгорода Москвой.

Тем не менее, в таких исторических условиях новгородский архиепископ строит в своей резиденции *первый* на Руси храм в честь преподобного Сергия, «московского» святого, а в росписях интерьера помещает рядом с ним Варлаама Хутынского, святого до этих пор однозначно «новгородского». Это был первый акт «визуальной репрезентации культа св. Сергия» [Мельник 2018, 6] за пределами Московского региона, что, без сомнения, непосредственно связано с поездкой Ионы (на тот момент ещё только архимандрита Николо-Бельского монастыря) в Москву для утверждения в чине архиепископа.

Дело в том, что получить статус архиепископа Новгородского местные владыки могли только от митрополита Московского[2]. Первым новгородским архиепископом, поставленным в Москве, был Моисей (1325), но это был единичный случай, выпадавший из традиции. С 1389 года уже все новгородские владыки ставились в Москве, за одним исключением: Евфимий II Вяжищский, непосредственный предшественник Ионы на новгородской кафедре, был поставлен в 1424 году в Смоленске митрополитом Киевским Герасимом [Успенский 2023, 59–60]. Так что у Ионы не было выбора: «Москва была в это время единственным местом, где мог быть поставлен новгородский владыка» [Успенский 2023, 63]. После падения Константинополя в 1453 году Москва претендовала на статус центра вселенского православия, стремясь занять то место, которое ранее принадлежало столице Византии. Характерно, что в летописном рассказе о поставлении Ионы московский владыка (тоже, кстати, Иона) именуется «вселенским митрополитом» [Успенский 2023, 63–64], что лишний раз подчёркивает амбиции Москвы.

В Летописи Авраамки (конец XV в.), называемой так по имени известного нам смоленского переписчика, сказано об этой поездке следующее:

> Въ лѣто 6967. <…> Той зимы, мѣсяца Генваря 11 день, на память преподобнаго отца нашего Феодосія, поѣхалъ владыка Иона на Москву на поставленіе к митрополиту Ионѣ, при князѣ великомъ Василии Васильевичи всея Руси, и с нимъ послы Великого Новагорода <…>. Мѣсяца Февраля в 1 день <…> поставленъ бысть всесвященный архимандритъ Иона архіепископомъ Великому Новугороду и Пьскову всесвященнымъ вселеньскым митрополитомъ Ионою Кыевьскым всея Руси [ПСРЛ 1889, 198].

Итак, архимандрит Иона Отенский был возведён в чин архиепископа Новгородского и Псковского 1 февраля 1459 года в Москве (ил. 4). Судя по всему, именно во время совершения этой поездки в Москву Иона принимает решение построить в Новгороде храм в честь преподобного Сергия Радонежского. «Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском» (рубеж XV–XVI вв.), помещённая в Великих Четьих Минеях митрополита Макария под 5 ноября, сообщает об этом так:

> Бывшу же ему близ Москвы аки шестьдесят поприщь[3], въспомянувъ Сергиа преподобнаго, иже в Маковцѣ. Ту к нему завѣщание положи, любве юже отдавна имѣя и храмъ почести съ избранными равно преподобнаго, не бяше бо и еще храма гдѣ въ имя преподобнаго Сергиа [Рождественская 1999, 244].

Возвратившись в Новгород в сане архиепископа, Иона исполняет своё «завещание»:

> Пришедъ же отъ Москвы абие чюдесному Сергию отцу завѣщание исполняет: храмъ каменъ внутрь епископиа во имя его созда. И всею лѣпотою утвори и образ его постави в ней, яко много любя преподобнаго, часто въ храмъ его приходя молитвы

[2] До митрополита Ионы (1448–1461) московские владыки носили титул «Митрополит Киевский и всея Руси» (с 1325).

[3] Поприще – мера пути, равная 1066 м. Следовательно, Иона в этот момент был на расстоянии приблизительно 64 километров от Москвы.

творяше священныя [Рождественская 1999, 248]. Мѣсяца Марта в 6 день <…> приѣха архиепископъ владыка Иона <…> и възрадовашася о немъ Великый Новъгородъ <…>. На тую же весну того лѣта поставлена бысть церковъ на воротехъ, по Божію смотренію, архиепископа Ионѣ тщаніемъ, многыя ради милостыня того мѣста, съвершися храмъ во имя святого Сергія, повелѣніемъ архиепископа владыкы Ионѣ, и украси ю внутрь подписью и честными иконами въ славу Богу и преподобному Сергію. <…> Въ лѣто 6968. Священна бысть церковъ святый Сергій, мѣсяца Сентевріа, память его 25 день [ПСРЛ 1889, 199–200].

Строительство 1459 года с формальной точки зрения объясняется просто: Иона, в соответствии с принятым в Новгороде обычаем, возводит «владычную» церковь в память своей хиротонии. Так же поступали и предшествовавшие Ионе новгородские владыки, вступая в должность [Петров 1995, 126], и некоторые построенные ими вокруг Софийского собора храмы были как раз надвратными. Однако в посвящении нового храма Ионы заложена весьма определённая идея: новая церковь «должна была знаменовать укрепление связей между Новгородом и Москвой» [Успенский 2023, 64]. Важно заметить, что этот примирительный шаг новгородцев в лице их владыки не был односторонним.

По прямому утверждению «Повести об Ионе», церковь на новгородском Владычном дворе была первой на Руси, посвящённой Радонежскому святому: «не бяше бо и еще храма гдѣ въ имя преподобнаго Сергиа». Почему именно новгородский архиепископ первым ставит у себя на дворе храм во имя «московского» святого, покровителя идеи объединения Руси, официально прославленного совсем недавно, в 40-х годах XV века[4]? Тому есть два объяснения. Первое – чисто политическое: Иона, известный своей «промосковской» ориентацией (которая, кстати, в последнее время подвергается весьма обоснованному сомнению), хотел произвести положительное впечатление на крепнувшие московские власти и заручиться их добрым отношением к Новгороду в будущем; отсюда и этот его дипломатический жест. По всей вероятности, во время пребывания в Москве Иона прямо обещал поставить эту церковь, которая должна была знаменовать укрепление связей между Новгородом и Москвой [Успенский 2023, 64]. Второе объяснение – скорее духовное: Иона действительно «много любя преподобнаго», уважал и почитал святого Сергия как монаха-подвижника, мистика и учителя, относился к нему как к образцу аскета и одновременно культурного деятеля, просветителя и чудотворца, а потому и свой домовый храм посвятил именно ему. Скорее всего, на решение новгородского архиепископа – верховного церковного администратора, но в то же время воспитанника Отенского монастыря – повлияли оба эти фактора, счастливым образом совпав в 1459 году от Рождества Христова.

[4] Время прославления преподобного Сергия Радонежского определяется весьма условно. Наиболее ранние документы, в которых Сергий официально именуется *преподобным*, датируются 1447–1448 гг. Это две договорные грамоты князя Можайского Ивана Андреевича к великому князю Московскому Василию II Васильевичу: «А о всемъ поставили есмя на собя свидѣтеля и Вседержителя Господа Бога и пречистую Его Богоматерь, <…> и святыхъ и преподобныхъ старцевъ Сергѣя и Кирила» [Румянцев 1813, 139, 152].

Значительную часть внутренних росписей нового храма (на западной и северной стенах церкви) заняли сцены жития преп. Сергия Радонежского[5], которые сохранились фрагментарно [Ромашкевич 1977, 235]. Наиболее существенные участки росписи уцелели в восточной части храма: на откосах алтарной арки и на участках восточной стены справа и слева от неё (ил. 5). Справа от арки помещено изображение пророка Ионы, который являлся патроном заказчика храма – архиепископа Ионы Отенского. Участок восточной стены слева от арки заметно шире правого. Здесь представлены фигуры двух преподобных в полный рост. От одной фигуры сохранился только верхний фрагмент (без лика), вторая рассечена цементной вставкой на уровне груди. Лик этого второго святого «отмечен индивидуальными особенностями: округлая голова с высоким лбом, грубоватые черты лица с характерным укрупнённым носом и близко посаженными глазами» [Ромашкевич 1977, 227]. Поскольку надпись, называющая святых, здесь не сохранилась, нет возможности точно определить имена изображённых преподобных. Татьяна Ромашкевич предполагает, что здесь мы видим изображения Варлаама Хутынского[6] и Сергия Радонежского – их первое в истории парное изображение, получившее в дальнейшем значительное развитие в новгородской и московской художественных традициях. Таким образом, визуально подтверждается введение в Новгороде архиепископом Ионой культа преподобного Сергия Радонежского, «сторонника объединения Руси» [Ромашкевич 1977, 227–228]. Собственно, это объединение (в духовном плане) и происходит в пространстве интерьера новгородской Сергиевской церкви.

По мнению Б. А. Успенского, закладка церкви Сергия Радонежского прямо связана с московским поставлением архиепископа Ионы: «Будучи поставлен в Москве, Иона, очевидно, не мог не пойти навстречу московским духовным властям»; если так, то решение о строительстве храма в честь «московского» святого «могло быть до некоторой степени вынужденным» и потому не может рассматриваться как *безусловное* свидетельство промосковских симпатий архиепископа Ионы [Успенский 2023, 65]. Согласно некоторым новейшим исследованиям, Иона был сторонником не московской, а литовской (киевской) ориентации [см.: Успенский 2023]. В любом случае, со стороны Ионы Отенского это был дальновидный политический шаг, продиктованный не только личными симпатиями архиепископа, но и глубоким пониманием текущей культурно-исторической ситуации и места Новгорода в общем процессе «собирания Руси».

В свою очередь, в 1461 году, менее чем через два года после росписи и освящения новгородского храма преп. Сергия Радонежского, в Москве освящается придел преп. Варлаама Хутынского в обновлённой церкви св. Иоанна Предтечи у Боровицких ворот [Успенский 2023, 64] и начинается почитание св. Варлаама, ранее здесь неизвестное [Мельник 2016, 136]. Софийская II летопись сообщает:

[5] Эти сцены представляют собой самый ранний сохранившийся житийный цикл преподобного Сергия [Бузыкина 2009, 91–92].

[6] Раздвоенная борода на сохранившемся фрагменте лика соответствует такой же раздвоенной бороде преп. Варлаама на крышке деревянного реликвария из новгородской церкви св. Димитрия Солунского (ок. 1560), хранящейся в Новгородском музее-заповеднике (ил. 6–7) [ср.: Секретарь, Шалина 2003, 637].

> В лѣто 6969. <…> Того же лѣта поставлена бысть церковь на Москвѣ камена, святый Іоанъ Предотеча, иже придѣлъ имать святаго отца Варлама Новугородскаго, великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ; Варлама же оттолѣ почаша праздновати на Москвѣ, воспоминаніе чуда, еже сотвори надъ Тумгенемъ, иже его изъ мертвыхъ воскресилъ, егда былъ князь велики въ Новѣгородѣ [ПСРЛ 1853, 184; ср.: ПСРЛ 2001, 147].

Вспоминая о чуде 1460 года[7] и посвящая престол в своём древнейшем (первоначально деревянном) храме (ил. 8–9) «новгородскому» чудотворцу[8], Москва тем самым как бы официально подтверждает союз с Новгородом через посредничество местночтимых святых – покровителей двух важнейших культурно-политических центров Руси. Поскольку на этом основании нельзя говорить о существовании какой-то «новгородской партии» в Москве, постольку же, разумеется, мы не можем утверждать и о принадлежности Новгородского архиепископа Ионы к какой-то «московской партии». Речь может идти в данном случае только о наиболее в тех условиях эффективном способе установления и закрепления межрегиональных культурно-политических связей. Более того, распространяясь на Москву, почитание новгородского преподобного впервые выходит за границы региона [Мельник 2016, 137–138] и становится общенациональным[9].

В политическом плане «обмен» почитанием святых выглядит как фундаментальная гарантия взаимной лояльности и даже как своего рода дипломатическая «игра»; однако в культурно-религиозном смысле этот «обмен» оказывается средством взаимного духовного обогащения, выраженного в художественном творчестве. Ярче всего эта новая духовная связь представлена именно в росписях надвратной церкви архиепископа Ионы на Владычном дворе: «При всей академической бесстрастности стиля росписи в ней недвусмысленно звучит идея “духовного примирения” Новгорода и Москвы. О ней прежде всего напоминают изображения особо чтимых местных святых, московского – Сергия Радонежского и новгородского – Варлаама Хутынского» [Лифшиц 1987, 40]. Впервые достигнутая культурная встреча двух важнейших русских регионов с этого момента длится в истории как визуально зафиксированное единство «региональных» святых во взаимном общении, переводящем их в ранг общенациональных заступников.

---

[7] В 1460 году у гробницы преп. Варлаама Хутынского был воскрешён из мёртвых постельничий великого князя Московского Василия II по имени Григорий Тумгень [Секретарь, Шалина 2003, 636; ср.: Попов 1975, 35].

[8] По другим данным, храм св. Иоанна Предтечи был заложен в 1461 году, а престол в честь преп. Варлаама Хутынского был освящён в следующем, 1462 году: «Когда первоначальный деревянный храм пришёл в ветхость, тогда на место его в лето 6968 (1461) был заложен каменный перед двором князя Юрия Васильевича, а в следующем году великий князь Василий Васильевич устроил при нём придел во имя преп. Варлаама Хутынского» [Извеков 1913, 6]. В царствование Иоанна IV придел был переименован в честь св. мученика Уара [Извеков 1913, 7]. Храм и горел, и перестраивался, а в 1847 году был разобран, и его престол перенесён в Боровицкую башню Московского Кремля [Извеков 1913, 13–16].

[9] Следующий престол в честь преподобного Варлаама Хутынского был освящён в Москве только через 100 лет, в 1561 году; зато его местоположение в сакральном пространстве Москвы было ничуть не менее значительным: в составе собора-комплекса Покрова Пресвятой Богородицы на Рву.

II

Что касается влияния росписи Сергиевского храма на формирование традиции совместного почитания новгородских и московских святых, то интересен следующий момент. При архиепископе Ионе было построено несколько храмов в самом Новгороде и в новгородских монастырях, среди них выделяется прекрасно расписанная церковь св. Симеона Богоприимца в Покровском Зверине монастыре (1468). Программа росписей этого храма представляет собой полный православный месяцеслов. Наряду с ктиторской фреской, изображающей самого Иону (ил. 10), мы можем видеть среди образов Симеоновской церкви и преподобного Сергия Радонежского[10], и святителя Григория Армянского [Герасимов 1979, 253], почитание которого также особо отмечено в средневековом Новгороде, и преподобного Варлаама Хутынского[11] (ил. 11–12). Таким образом, ко времени правления архиепископа Ионы относится ещё один монументальный «проект», помещающий преподобных Сергия и Варлаама в едином сакральном пространстве, в которое Иона вводит и самого себя.

Существенной тенденцией религиозной жизни эпохи объединения русских земель вокруг Москвы являлось «стремление людей сближать культы отдельных святых и, в частности, культ Сергия с культами других подвижников благочестия», в том числе и с почитанием преп. Варлаама Хутынского [Мельник 2018, 9]. Начало этому стремлению было положено деятельностью архиепископа Ионы, чья примирительная идеология нашла прямое выражение в оригинальной программе росписей двух новгородских церквей.

III

Близкий по времени пример соприсутствия образов преподобных Сергия и Варлаама в границах одного произведения искусства – это так называемый *белый клобук* Новгородского архиепископа Василия Калики (1331–1352). Об этом предмете в средневековой Руси сложилось легендарное предание, изложенное в нескольких редакциях «Повести о белом клобуке» [см.: Костомаров 1860, 285–303]. Сюжет «Повести» связывает власть новгородских церковных владык с особым благословением Константинопольского патриарха Филофея; видимым знаком этого благословения выступает головной убор[12], якобы в своё время подаренный императором Константином Великим Римскому папе Сильвестру, а затем вернувшийся в Константинополь и перешедший архиепископу Василию[13]. Иначе говоря, клобук появляется в Новгороде не позднее 1352 года.

---

[10] Н. Н. Герасимов пишет о фигуре «преподобного» (не называя его по имени), помещённой на северной стене храма с восточной стороны окна [Герасимов 1979, 248–249].

[11] Варлаам – это тот святой, который изображён на южной стене (там же, где находится ктиторская фреска с изображением архиепископа Ионы) слева от окна и которого Н. Н. Герасимов называет просто «преподобным» [Герасимов 1979, 246, 258, 265]. Информация получена от Г. П. Герова.

[12] Ср. с летописным свидетельством о презрительном прозвище Феодора («звѣроядовитаго Феодорца»), ставленника князя Андрея Боголюбского на Ростовскую епископскую кафедру: «белый клобучок» [ПСРЛ 1921, 80].

[13] Новгородская III летопись сообщает об этом так: «При семъ архіепископѣ Василіи принесенъ бысть бѣлый клобукъ въ великій Новградъ, иже и донынѣ Новгородскіе митрополиты на главахъ своихъ тѣмъ подобіемъ носятъ» [ПСРЛ 1841, 225].

Судя по всему, краткая редакция «Повести о белом клобуке» была создана и записана раньше, чем вторая, пространная[14]. Эти версии серьёзно различаются по своей идеологии. В своей первой редакции «Повесть» была составлена как антимосковское сочинение, как «произведение децентрализованной направленности» [Ульянов 2010, 198], противопоставлявшее Москве как политическому центру Новгород как центр религиозный. Появление «Повести о белом клобуке» стало отражением «сепаратистских и антимосковских тенденций, разгоревшихся в Новгороде после смерти в ноябре 1470 года архиепископа Ионы» [Ульянов 2010, 207]. В контексте борьбы «московской» и «литовской» партий в Новгороде «Повесть» должна была стать «источником легитимности новгородского сепаратизма, прежде всего в сфере церковного самоуправления»: получение белого клобука ассоциируется в новгородских письменных памятниках «с повышением статуса церковной кафедры» [Ульянов 2010, 210–211].

Явно антимосковский характер первоначальной версии «Повести» побудил Новгородского архиепископа Геннадия (1484–1504), чья деятельность была подчёркнуто ориентирована на Москву, приступить к составлению её «промосковской» редакции. В этой «геннадиевской» версии на первый план выходит идея «последовательности царств» [Ульянов 2010, 213], что прямо подводит к концепции Москвы как преемницы «второго Рима». Посредством этой и последующих редакций «Повесть» превратилась «в источник исторического самосознания на Руси в эпоху становления централизованного государства» [Ульянов 2010, 214], чей вселенский статус подтверждался участием в процессе духовного преемства[15]. Однако обе редакции имели очень уж фантастический характер; поэтому «повесть сия справедливо объявлена баснословною сначала на московском Соборе 1667 года, а потом и в духовном регламенте» [Макарий 1860, 350].

Архимандрит Макарий в середине XIX века описывал белый клобук как наиболее известный и ценный артефакт ризницы Софийского собора, хранящийся «в особом кипарисном ящике» [Макарий 1860, 343]. Клобук (ил. 13–14) состоит из полусферической верхней части и трёх ниспадающих полотен, или «рясн», распределяемых при ношении клобука таким образом, что два рясна оказываются на груди (слева и справа), а среднее – на спине. Это последнее полотно украшено сверху изображением архангела Гавриила, а ниже – ликами «трёх русских преподобных мужей»: Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского и Варлаама Хутынского [Макарий 1860, 345]. Бесспорно, что «клобук устроен в Греции и должен принадлежать XIV веку»; однако украшение его – «не греческое, а русское» [Макарий 1860, 346]. Предположительно клобук был доставлен в Новгород из Константинополя в 1352 году [Строганов 1849, 150], то есть незадолго до смерти владыки Василия. Изображённые святые принадлежат «к числу русских угодников», однако только один из них – преп. Варлаам – преставился до времени жизни Василия Калики и, соответственно, был ему известен в качестве святого. Следовательно, клобук был украшен уже после смерти архиепископа

[14] В. М. Кириллин считает, что ранняя (краткая) редакция «Повести» была записана в 50-е годы XVI века, а более поздняя (пространная) – между 1589 и 1601 гг. [Кириллин 2004, 429].

[15] В «Повести о белом клобуке», пишет О. Г. Ульянов, Русская земля впервые была включена в орбиту мировой истории [Ульянов 2010, 212]. На самом деле – не впервые, а уже во второй раз. В первый раз эта идея была ясно выражена в XI веке в «Слове о законе и благодати» Илариона Киевского.

Василия и после того, как сложилось почитание преподобных Сергия и Кирилла: «Принимая во внимание время жития сих двух угодников Божиих, <…> должно предположить, что он устроен уже по присоединении Новгорода к Московской державе (1478)» [Макарий 1860, 347]. Эта последовательность в истории клобука своеобразно согласуется с историей «Повести» о нём: верхняя (ранняя) часть своим цветом, формой и происхождением знаменует региональное достоинство Новгородской архиепископии, а нижняя (поздняя) демонстрирует включённость локальной традиции в универсальный церковный контекст.

Белый клобук действительно был обнаружен в 1946 году во время вскрытия погребения одного из Новгородских архиереев в Мартирьевской паперти Софийского собора [Печников и др. 2004, 201].

IV

На полях иконы московской школы «Богоматерь Одигитрия со Святой Троицей и избранными святыми» из ризницы Троице-Сергиева монастыря [Смирнова 1988, ил. 133; Попов 1975, ил. 30], датируемой последней четвертью XV века (ил. 15), изображены и Варлаам Хутынский, и Сергий Радонежский [Секретарь, Шалина 2003, 638]. При этом преп. Сергий (справа от зрителя) предстоит Богородице вместе со св. Евфимием Великим (слева), а преп. Варлаам изображён внизу, вторым слева, в ряду поясных образов других святых [Антонова, Мнёва 1963, 314, ил. 199]. Видимо, это ещё один своего рода ответный жест на почитание и изображение преп. Сергия в Новгороде [Лифшиц 1987, 40]. Тем самым икона своеобразно отражает сложившиеся отношения между двумя важнейшими регионами Русского государства: введением в число изображённых святых новгородского преподобного Варлаама Хутынского последний приобщён к сонму виднейших русских основателей монастырской жизни, а место Новгорода в системе объединённой Руси признано значительным и незыблемым [Попов 1975, 35]. Названная икона находится в Государственной Третьяковской галерее. На более поздней иконе того же типа из Вологодского музея (сер. XVI в.) преп. Сергий Радонежский перенесён в нижний ряд и изображён рядом с преп. Варлаамом.

Московская икона, по своим художественным характеристикам относимая к кругу учеников Андрея Рублёва [Попов 1975, 34], представляет собой тот вариант «Одигитрии», который признаётся наиболее торжественным: Богородица и Христос изображены здесь фронтально, полностью обращёнными к предстоящим. Предполагается, что исходным образцом для неё послужила икона соответствующего типа, почитавшаяся в греческом монастыре Одегон в Константинополе; на Руси этот извод известен как «Богоматерь Смоленская». Преподобный Евфимий Великий († 473), представленный на иконе справа от Богородицы с Младенцем, – это известный монах-подвижник, основатель монастыря (лавры) на западном берегу Иордана, служивший для преп. Сергия Радонежского одним из примеров иноческого жития [Смирнова 1988, 287]. Сам Сергий расположен напротив Евфимия в позиции его преемника, что визуально включает линию русского монашества в универсальную церковную традицию. Подбор святых в нижней части иконы (в ряд которых включён преп. Варлаам Хутынский) отражает актуальную для XV века идею «о политической или, что

в данном случае то же, духовной общности большинства русских земель», а венчает всю композицию Пресвятая Троица – «символ духовного единения» [Попов 1975, 34–35], собирания Руси.

V

Пятый известный случай соприсутствия преподобных Сергия и Варлаама в едином иконическом пространстве – это одна из новгородских икон-таблеток (или «полотенец»), происходящих из Софийского собора (ил. 16). Серия небольших праздничных икон была написана на левкашенном холсте[16] в конце XV – начале XVI века. Это двусторонние иконы размером 23×19 см. До наших дней дошло 25 икон из Софийской коллекции. Сюжеты «полотенец» соответствовали дням памяти великих святых и основным праздникам литургического года [Евсеева 2023, 26]. Заказчиком серии выступил, по всей видимости, новгородский архиепископ Геннадий (1485–1504), который был в Новгороде «ставленником московского князя» [Вздорнов 2017, 15].

Объединяющим принципом для всех этих икон является годовой праздничный круг [Лазарев 1947, 121]; именно поэтому вся серия традиционно именуется «святцами». Главное назначение иконы-таблетки состояло в том, чтобы в качестве «иконы дня» присутствовать на главном аналое в соответствующий праздник [Лазарев 1947, 121; Евсеева 2023, 26]. Эти «лицевые святцы» последовательно извлекались из ковчега, где они хранились, и клались на аналой по ходу календаря; поэтому они постоянно перемещались из хранилища на аналой и обратно [Вздорнов 2017, 7–10]. Одна из новгородских икон-таблеток содержит на лицевой стороне изображение Воздвижения Креста Господня (празднуется 14 / 27 сентября), а на обороте – ростовые образы преподобных Харитона Исповедника (28 сентября / 11 октября), Варлаама Хутынского (6 / 19 ноября) и Сергия Радонежского (25 сентября / 8 октября) [Вздорнов 2017, 10–11; ср.: Секретарь, Шалина 2003, 638]. Иначе говоря, эта «осенняя» икона выкладывалась на аналой 14, 25, 28 сентября и 6 ноября по старому стилю.

В таблетках Софийской коллекции ясно определяются как новгородские, так и московские черты. При этом в манере письма гораздо больше новгородских, чем московских характеристик: художественный стиль таблеток прочно связан с новгородской иконописной школой, ценившей красивую форму и при этом несколько преувеличенно чёткую, графическую манеру письма. Этот стиль складывался в Новгороде в течение всего XV века; множество икон названной эпохи являются в стилистическом отношении предшественницами таблеток, к примеру, «Битва новгородцев с суздальцами». Всё это делает несомненной принадлежность таблеток «к новгородскому художественному наследию» [Вздорнов 2017, 15–16]. В. Н. Лазарев называет серию этих небольших икон «лебединой песнью новгородской иконописи» и оценивает её как «памятник выдающегося иконографического значения» [Лазарев 1947, 121], не имеющий себе равных. При этом высокая ценность софийских святцев имеет не только чисто художественное, но и литургическое измерение: несмотря на свои скромные размеры, каждая икона-таблетка

[16] Именно поэтому такие иконы первоначально именовались «полотенцами», и лишь в начале XX века получили название «таблеток» [Евсеева 2023, 26].

органично занимала доминирующее место в храмовом пространстве, фокусируя на себе всю сложную визуально-перформативную систему богослужебного события.

> Икона на аналое должна была обладать неким собственным независимым художественным достоинством, чтобы стать значимой в этом масштабном и богатом живописными образами интерьере. Мастера серии пошли по пути создания композиций, которые все, при разных сюжетах и темах, отличаются гармоническим построением и при этом обладают достаточной энергией, что не позволяло образу на аналое нивелироваться, «раствориться» в пространстве собора. Во многом данный эффект живописи «полотенец» стал возможен благодаря объединению в их стиле гармонического начала, свойственного московской иконописи XV века, и той сконцентрированной энергии, которая определяла новгородское искусство этого времени. Софийские таблетки в довольно разнообразной продукции мастерской архиерейского дома являются единственным произведением, где соотношение местных норм искусства и московского стиля достигло наибольшей согласованности [Евсеева 2023, 27].

Однако важно отметить, что древнейшие известные иконописные святцы («полотенца», «таблетки») были написаны не в Новгороде, а в Москве во второй половине или даже в середине XV века [ср.: Евсеева 2002, 137]; эти древнейшие «святцы» [Смирнова и др. 1982, 311–312] находились в составе вклада келаря Вениамина Плещеева в Троицкую лавру и сейчас хранятся в Сергиево-Посадском музее-заповеднике [Николаева 1977, 151–152]; и уже из Москвы этот жанр, видимо, проник в город на Волхове. Именно в XV веке «началось интенсивное воздействие московского художественного стиля на живопись Новгорода» [Вздорнов 2017, 17]. Таким образом, не только в стиле письма, но и в самом иконописном жанре, в котором были созданы новгородские софийские святцы, обнаруживается московский «след».

Новгородская серия икон-таблеток создаётся в эпоху объединения сил и традиций разных русских регионов, в эпоху «собирания» Руси. Начинается всё более активная работа по систематизации накопленного в предыдущие века литературного, летописного, богослужебного и иконографического материала. Уже при архиепископе Геннадии в Новгороде составляется первая полная славянская Библия (1499); спустя небольшое время архиепископ Новгородский и будущий митрополит Московский Макарий начинает собирать материалы для Великих Четьих-Миней (1529–1554), грандиозного свода житий и творений всех православных святых [Терешкина 2015, 4], обращаясь прежде всего к рукописям библиотеки Софийского собора. Иконы-таблетки явились «подготовительным звеном к работам подобного типа, но только в области иконографии» [Вздорнов 2017, 18]. Здесь ещё сравнительно мало русских святых, изображения которых активно включались в святцы лишь с середины XVI века, когда на московских соборах в 1547 и 1549 годах по инициативе митрополита Макария было канонизировано сразу 39 русских святых[17]. На таблетках преобладают греческие святые, но есть уже и русские, в том числе и Сергий Радонежский с Варлаамом Хутынским. Местночтимые

[17] В числе святых, канонизированных на соборе 1549 года, был Иона, архиепископ Новгородский.

русские преподобные здесь не только встречаются друг с другом в едином молитвенно-художественном пространстве, но и совместно входят в сообщество наиболее почитаемых святых Восточной Церкви.

VI

Коленопреклонённые Сергий и Варлаам соприсутствуют в иконографической композиции «Спас Смоленский», впервые написанной над воротами Спасской (тогда ещё Флоровской) башни Московского Кремля. Недавно, в марте 2024 года, икона этого типа была идентифицирована специалистами Государственного исторического музея как список XIX века, происходящий из привратной часовни Спасской башни[18]. Две шатровые часовни в «русском стиле» были построены взамен более древних сооружений по сторонам воротного проезда башни в 1866 году по проекту Петра Герасимова. Обе относились к собору Покрова на Рву. В левой (если смотреть с площади) помещался Смоленский образ Богородицы Одигитрии[19], в правой – образ Христа Спасителя (Спас Смоленский), точный список с надвратной иконы Спасской башни. В 1925 году обе часовни были снесены. Теперь выяснилось, что именно икона Спаса Смоленского из привратной часовни (ил. 17) находилась до сего времени в Покровском соборе на Красной площади.

«Спас Смоленский» – иконографический тип изображения Иисуса Христа, в котором Спаситель представлен в виде Вседержителя: фронтально, в рост, с благословляющей правой рукой и с Евангелием в левой руке. К Его ногам припадают в молении преподобный Сергий Радонежский слева (от зрителя) и преподобный Варлаам Хутынский справа. В верхней части композиции слева и справа от Христа располагаются ангелы с орудиями страстей. В XIX веке неоднократно высказывалось мнение о создании этого образа в 1514 году в связи с присоединением Смоленска Василием III в ходе русско-литовской войны. Взятие Смоленска произошло 1 августа, в день празднования Происхождения честных древ Креста Господня; отсюда, вероятно, орудия страстей на иконе. Однако эта точка зрения не имеет документальных обоснований [Маркина 2016, 134–135]. Во всяком случае, в 1514 году икона не могла иметь того вида, который мы наблюдаем сейчас: ещё не было причин изображать на ней преподобных Сергия и Варлаама.

Причина появилась несколько позже, и связана она была с чудесным избавлением Москвы от нашествия татар. Это событие, случившееся в 1521 году, описано в «Повести о нашествии Магмет-Гирея на Москву» (название условное), включённой в Никоновскую летопись и Степенную книгу [Маркина 2016, 136]. В *Повести* излагается чудо, произошедшее во время осады Москвы казанско-крымским войском Махмет-Гирея, когда Василий III укрылся в Волоколамске, «ожидая къ себѣ силы отъ Великаго Новаграда» [ПСРЛ 1904, 39]. Слепой инокине кремлёвского Вознесенского монастыря было видение большого крестного хода во главе со святыми покровителями Москвы (митрополитами Петром, Алексием, Ионой и епископом Леонтием Ростовским), покидающего Кремль через Флоровские ворота. При этом святые уносили с собой «палладиум» Московской Руси – Владимирскую икону Богородицы. На Красной площади процессия святителей была остановлена

[18] См.: https://sammlung.ru/?p=73071&ysclid=luvmvi7mm3357868362.

[19] Сейчас на месте этой часовни расположен общественный туалет.

Сергием Радонежским и Варлаамом Хутынским, убедившими её участников не уходить из Москвы [Маркина 2016, 136–137] (ил. 18–19).

> И абіе же отъ великаго торговища Ильиньскаго въ срѣтеніе имъ скоро течаше великый въ преподобныхъ Сергій чюдотворець, отъинуду же приспѣ преподобный Варламъ Хутынскый чюдотворець. И сія оба преподобная, яко согласившася, любезно припадаху къ ногамъ великыхъ онѣхъ святителей и моляху ихъ со слезами, умилно глаголюще: о святіи пастыріе словеснаго сего стада Христовыхъ овець! чесо ради исходите изъ града сего и камо укланяетеся и кому оставляете паству вашу въ настоящее сіе время варварьскаго нашестіа? [ПСРЛ 1904, 40].

Святители отвечают Сергию и Варлааму, что Бог приказал им покинуть Москву, «понеже людіе страхъ Божій презрѣша и о заповѣдехъ Божіихъ не радиша». Но Сергий и Варлаам «съ плачемъ» умоляют святых помочь москвичам совместной усердной молитвой, и все святые, «единодушно» совершив просительную службу перед иконой Богородицы (ил. 20–21), возвращаются назад [ПСРЛ 1904, 40–41]. После этого видения вражеское войско удалилось от Москвы без боя. Именно с описанным эпизодом, произошедшим у Флоровских ворот Кремля, исследователи связывают включение в композицию «Спас Смоленский» преподобных Варлаама и Сергия. Сам же образ, написанный над этими воротами (ил. 22), не имеет строгой датировки. Н. Ю. Маркина считает, что икона, содержательно отсылающая к событиям 1514 и 1521 гг., была написана в конце 1550-х – начале 1560-х гг. [Маркина 2016, 143–144], то есть ко времени постройки и освящения собора Покрова на Рву.

Образ Спаса Смоленского на Флоровских воротах Кремля стал одной из самых чтимых московских святынь, а сами ворота в 1658 году по указу царя Алексея Михайловича переименовали в Спасские [Маркина 2016, 135]; соответственно, и башня получила новое название. Имея в виду покровительственную (защитную) функцию надвратной иконы Спаса Смоленского [Маркина 2016, 144], можно заключить, насколько важна была роль преподобных Сергия и Варлаама в деле совместного молитвенного охранения сакрального «сердца» объединённой Русской державы.

После 1917 г. образ на Спасской башне был замурован. В 2010 году при реставрации Спасских ворот стенопись с изображением Спаса Смоленского, которая считалась утраченной, была раскрыта и реставрирована [Маркина 2016, 133], а также заново освящена.

Иконографический сюжет «Спаса Смоленского» в дальнейшем многократно воспроизводился (ил. 24), причём припадающими ко Христу-Вседержителю выступали как Сергий с Варлаамом[20], так и другие (преимущественно местночтимые)

[20] Древнейшим известным изображением этого типа является средник иконы «Спас Смоленский с припадающими преп. Сергием Радонежским и преп. Варлаамом Хутынским и сценами из евангельских притч» (ил. 23), происходящей из местного ряда иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля (1550-е – 1560-е гг.) [Маркина 2016, 143; Пуцко 2013, 49]; И. Л. Бусева-Давыдова полагает, что как раз эта икона могла послужить образцом для надвратной иконы на Спасской башне [см.: Бусева-Давыдова 2003]. Один из двух преподобных в этой композиции в последующее время мог заменяться; так, на иконе «Спас Смоленский» XVIII века из Новгородского музея изображены припадающими ко Христу преп. Варлаам Хутынский в паре с преп. Антонием Римлянином (ил. 25).

святые[21], а также евангельские Марфа и Мария[22], ангелы и архангелы. Согласно, например, «Можайским актам» [см.: Мельник 2018, 9], такая икона была установлена в иконостасе собора Якиманского монастыря: в разделе «Въ Можайску жъ на посадѣ монастыри» описан монастырь «Святыхъ Богоотецъ Іакима и Анны, а на монастырѣ церковь камена», в которой «на лѣвой сторонѣ отъ царскихъ дверей <…> образъ Спасъ Вседержитель на золотѣ по сторонамъ архангели, у ножекъ Сергѣй чудотворецъ да Варламъ Хутонской чудотворецъ, у того жъ образа цата серебрена золочена» [Дионисий 1892, 45]. Учитывая, что в основе композиции «Спас Смоленский» лежит византийский иконографический тип Христа-Халкита (VI в.), когда-то находившийся над вратами Большого императорского дворца (Халки), а затем продублированный над императорскими вратами западной стены центрального нефа Софийского собора в Константинополе [Бусева-Давыдова 2003], можно видеть в московской иконе пример визуализации вселенского характера русского православия, претендующего на византийское наследство[23] и византийский статус. Представителями же русской «части» в этом вселенском культурном наследии выступают прежде всего (и раньше всех других) преподобный Варлаам и преподобный Сергий.

***

Итак, практика сакральной визуализации кросскультурных процессов, благодаря которым осуществлялось объединение русских регионов в единое политическое пространство, демонстрирует важнейшую роль религиозного осмысления и художественного воплощения тех духовных авторитетов, которые могли выступить своеобразными гарантами таких процессов. Священные изображения при этом не столько иллюстрировали, сколько инициировали новые культурно-политические тренды, вступая в сферу повседневных религиозных практик в качестве прообразов или предвестников желаемого положения дел. Именно в таком качестве местночтимые святые Варлаам Хутынский и Сергий Радонежский, соприсутствуя в едином художественном пространстве, визуально отмечают формирование в XV–XVI вв. общерусской культурной традиции, тем самым перерастая свой прежний локальный статус и входя в глобальный круг подвижников вселенской Церкви.

---

[21] Например, свв. Александр Невский и Георгий Владимирский на иконе середины XVII века из Владимиро-Суздальского музея-заповедника (инв. № В-21236); святители Иоанн и Феодор Суздальские на иконе из Владимиро-Суздальского музея-заповедника (инв. № В-6300/95) [Быкова, Чижикова 2011, 20]; свв. Зосима и Савватий на многочисленных соловецких иконах, а также на серебряном крестереликварии 1560–1561 гг. (Музеи Московского Кремля, инв. № МР-1199) [Пуцко 2013, 48; Маркина 2016, 141–142] и др. Ср. с иконой из Соловецкого монастыря начала XVIII в., на которой имена преподобных Сергия и Варлаама, припадающих к ногам Христа, были заменены (?) именами Зосимы и Савватия [Пуцко 2013, 48].

[22] См., напр., ярославские иконы Спаса Смоленского XVII века.

[23] Первый известный пример русской рецепции иконографии Христа-Халкита – декор новгородского кратира мастера Косты (Константина) конца XI – начала XII в. (Новгородский музей-заповедник, инв. № НГМ КП 813 ДРМ-164).

Библиография

Антонова, Мнёва 1963 – *Антонова В. И., Мнёва Н. Е.* Каталог древнерусской живописи: Опыт историко-художественной классификации. Т. 1. Москва, 1963.

Бузыкина 2009 – Бузыкина Ю. Н. Архитектурные фоны в житийных циклах преподобного Сергия Радонежского XV–XVI вв. как идеальный образ православной обители // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2009. № 6. С. 89–100.

Бусева-Давыдова 2003 – *Бусева-Давыдова И. Л.* Господь посреди Него: об одном редком иконографическом образе Иисуса Христа // Искусствознание. 2003. № 2. С. 229–244.

Быкова, Чижикова 2011 – Иконы с изображениями суздальских святых в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Сост. М. А. Быкова, Е. И. Чижикова. Владимир, 2011.

Вздорнов 2017 – *Вздорнов Г. И.* Иконы-таблетки Великого Новгорода. Софийские святцы. Москва, 2017.

Герасимов 1979 – *Герасимов Н. Н.* Фрески церкви Симеона Богоприимца в новгородском Зверине монастыре // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978. Ленинград, 1979. С. 242–266.

Дионисий 1892 – Можайские акты. 1506–1775 / Под ред. архим. Дионисия. Санкт-Петербург, 1892.

Евсеева 2002 – *Евсеева Л. М.* Двусторонние иконы «на полотенцах» середины XV века из Троице-Сергиева монастыря в контексте духовных идей времени // Художественная культура Москвы и Подмосковья XIV – начала XX веков. Москва, 2002. С. 137–144.

Евсеева 2023 – *Евсеева Л. М.* Выносные иконы и шитые плащаницы в богослужениях драматического характера Древней Руси // Визуальная теология. 2023. Т. 5. № 1. С. 22–45.

Замятина, Замятин 2007 – *Замятина Н., Замятин Д.* Гений места и город: варианты взаимодействия // Вестник Евразии. 2007. № 1. С. 62–87.

Извеков 1913 – *Извеков Н. Д.* Церковь во имя Рождества св. Иоанна Предтечи, что в Боровицкой башне, в Московском Кремле. Москва, 1913.

Кириллин 2004 – *Кириллин В. М.* «Повесть о новгородском белом клобуке»: время происхождения и соотношение первых редакций // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 11. Москва, 2004. С. 393–437.

Костомаров 1860 – Памятники старинной русской литературы / Под ред. Н. Костомарова. Вып. 1. Санкт-Петербург, 1860.

Лазарев 1947 – *Лазарев В. Н.* Искусство Новгорода. Москва, Ленинград, 1947.

Лифшиц 1987 – *Лифшиц Л. И.* Монументальная живопись Новгорода XIV–XV веков. Москва, 1987.

ЛЛС 2014 а – Лицевой летописный свод XVI века. Кн. 14. Москва, 2014.

ЛЛС 2014 б – Лицевой летописный свод XVI века. Кн. 16. Москва, 2014.

ЛЛС 2014 в – Лицевой летописный свод XVI века. Кн. 18. Москва, 2014.

Макарий 1860 – *Макарий, архим.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Часть 2. Москва, 1860.

Маркина 2016 – *Маркина Н. Ю.* Надвратный образ на спасской башне Московского Кремля. Вопросы иконографии и происхождения памятника // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 133–152.

Мельник 2016 – *Мельник А. Г.* История распространения культа св. Варлаама Хутынского на Руси в XV–XVI вв. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 4 (108). С. 136–140.

Мельник 2018 – *Мельник А. Г.* Визуальная репрезентация культа св. Сергия Радонежского в русских монастырях XVI – начала XVII в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 2018. С. 6–15.

Николаева 1977 – *Николаева Т. В.* Древнерусская живопись Загорского музея. Москва, 1977.

Петров 1995 – *Петров Д. А.* Архиепископ Иона Отенский как ктитор новгородского церковного строительства // Russia Mediaevalis. T. VIII. 1. München, 1995. С. 114–137.

Печников и др. 2004 – *Печников М. В., Турилов А. А., Маханько М. А.* Василий Калика // Православная энциклопедия. Т. 7. Москва, 2004. С. 200–203.

Печников и др. 2010 – *Печников М. В., Антипов И. В., Маханько М. А.* Иона Отенский // Православная энциклопедия. Т. 25. Москва, 2010. С. 408–419.

Попов 1975– *Попов Г. В.* Живопись и миниатюра Москвы середины XV – начала XVI века. Москва, 1975.

ПСРЛ 1841 – Полное собрание русских летописей. Т. 3. Санкт-Петербург, 1841.

ПСРЛ 1853 – Полное собрание русских летописей. Т. 6. Санкт-Петербург, 1853.

ПСРЛ 1889 – Полное собрание русских летописей. Т. 16. Санкт-Петербург, 1889.

ПСРЛ 1904 – Полное собрание русских летописей. Т. 13. Часть 1. Санкт-Петербург, 1904.

ПСРЛ 1921 – Полное собрание русских летописей. Т. 24. Петроград, 1921.

ПСРЛ 2001 – Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. Москва, 2001.

Пуцко 2013 – *Пуцко В. Г.* Соловецкая икона «Спаса Смоленского» // Соловецкое море. 2013. № 12. С. 46–50.

Румянцев 1813 – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Часть 1 / Под. ред. Н. П. Румянцева. Москва, 1813.

Секретарь, Шалина 2003 – *Секретарь Л. А., Шалина И. А.* Варлаам Хутынский // Православная энциклопедия. Москва, 2003. Т. VI. С. 635–640.

Смирнова 1988 – *Смирнова Э. С.* Московская икона XIV–XVII веков. Ленинград, 1988.

Смирнова и др. 1982 – *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода. XV век. Москва, 1982.

Спешилова 2023 – *Спешилова Е. И.* Urban imaginary: образ города и медиасреда // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Т. 5. № 3. С. 35–54.

Строганов 1849 – Древности Российского государства / Под ред. С. Строганова. Отделение 1. Москва, 1849.

Терешкина 2015 – *Терешкина Д. Б.* «Четьи-Минеи» и русская словесность Нового времени. Великий Новгород, 2015.

Ульянов 2010 – *Ульянов О. Г.* О времени зарождения на Руси концепции «Москва – Третий Рим» («Donatio Constantini Magni» и «Повесть о белом клобуке») // Терминология исторической науки. Историописание. Москва, 2010. С. 196–214.

Успенский 2023 – *Успенский Б. А.* Иона, архиепископ Новгородский, и вопрос о каноническом подчинении Новгородской епархии (К истории борьбы московской и литовской партии в Новгороде) // Slověne. 2023. Vol. 12. № 1. С. 42–82.

References

Antonova, Mnyova 1963 – Antonova V. I., Mnyova N. E. Catalog of Old Russian Painting: Experience of Historical and Artistic Classification. Vol. 1. Moscow, 1963. In Russian.

Buseva-Davydova 2003 – Buseva-Davydova I. L. The Lord is in the Midst of Him: About One Rare Iconographic Image of Jesus Christ. *Art Studies Magazine*. 2003. 2. Pp. 229–244. In Russian.

Buzykina 2009 – Buzykina Yu. N. Architectural Background in the Life Cycles of the Reverend Sergius of Radonezh 15th – 16th Centuries as an Ideal Image of an Orthodox Convention. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 2009. 6. Pp. 89–100. In Russian.

Bykova, Chizhikova 2011 – Icons with Images of Suzdal Saints in the Collection of the Vladimir-Suzdal Museum-Reserve. Ed. by M. A. Bykova, E. I. Chizhikova. Vladimir, 2011. In Russian.

CCRC 1841 – Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 3. St. Petersburg, 1841. In Russian.

CCRC 1853 – Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 6. St. Petersburg, 1853. In Russian.

CCRC 1889 – Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 16. St. Petersburg, 1889. In Russian.

CCRC 1904 – Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13. 1. St. Petersburg, 1904. In Russian.

CCRC 1921 – Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 24. Petrograd, 2001. In Russian.

CCRC 2001 – Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 6. 2. Moscow, 2001. In Russian.

Dionysius 1892 – Mozhaisk Acts. 1506–1775. Ed. by Archimandrite Dionysius. St. Petersburg, 1892. In Russian.

Evseeva 2002 – Evseeva L. M. Double-Sided Icons "On Towels" of the Mid-15th Century from the Trinity-Sergius Monastery in the Context of Spiritual Ideas of the Time. *Artistic Culture of Moscow and the Moscow Region of the 14th – Early 20th Centuries*. Moscow, 2002. Pp. 137–144. In Russian.

Evseeva 2023 – Evseeva L. M. Movable Icons and Embroidery Shrouds in Services of Dramatic Character in Ancient Rus'. *Journal of Visual Theology*. 2023. Vol. 5. 1. Pp. 22–45. In Russian.

Gerasimov 1979 – Gerasimov N. N. Frescoes of the Church of Simeon the God-Receiver in the Novgorod Zverin Monastery. *Cultural Monuments. New Discoveries. Yearbook. 1978*. Leningrad, 1979. Pp. 242–266. In Russian.

ICIT 2014 a – The Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible of the 16th Century. Book 14. Moscow, 2014. In Russian.

ICIT 2014 b – The Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible of the 16th Century. Book 16. Moscow, 2014. In Russian.

ICIT 2014 c – The Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible of the 16th Century. Book 18. Moscow, 2014. In Russian.

Izvekov 1913 – Izvekov N. D. Church of the Nativity of St. John the Baptist in the Borovitskaya Tower in the Moscow Kremlin. Moscow, 1913. In Russian.

Kirillin 2004 – Kirillin V. M. "The Legend of the Novgorod White Cowl": Time of Origin and Correlation of the First Editions. *Hermeneutics of Old Russian Literature*. Vol. 11. Moscow, 2004. Pp. 393–437. In Russian.

Kostomarov 1860 – Monuments of Old Russian Literature. Ed. by N. Kostomarov. Is. 1. St. Petersburg, 1860. In Russian.

Lazarev 1947 – Lazarev V. N. Art of Novgorod. Moscow, Leningrad, 1947. In Russian.

Lifshits 1987 – Lifshits L. I. Monumental Painting of Novgorod of the 14th – 15th Centuries. Moscow, 1987. In Russian.

Macarius 1860 – Macarius, archimandrite. Archaeological Description of Church Antiquities in Novgorod and Its Environs. Part 2. Moscow, 1860. In Russian.

Markina 2016 – Markina N. Yu. Gate Image on the Spasskaya Tower of the Moscow Kremlin. Questions of Iconography and Origin of the Monument. *Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2016. 3 (65). Pp. 133–152. In Russian.

Melnik 2016 – Melnik A. G. Origins of Cult of St. Varlaam Khutynsky in the Old Russia in the 15th – 16th Centuries. *Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2016. 4 (108). Pp. 136–140. In Russian.

Melnik 2018 – Melnik A. G. Visual Representation of the Cult of St. Sergius of Radonezh in Russian Monasteries of the 16th – Early 17th Centuries. *Trinity-Sergius Lavra in the History, Culture and Spiritual Life of Russia*. Sergiev Posad, 2018. Pp. 6–15. In Russian.

Nikolaeva 1977 – Nikolaeva T. V. Early Russian Painting in the Zagorsk Museum. Moscow, 1977. In Russian.

Pechnikov et al. 2004 – Pechnikov M. V., Turilov A. A., Makhanko M. A. Vasily Kalika. *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 7. Moscow, 2004. Pp. 200–203. In Russian.

Pechnikov et al. 2010 – Pechnikov M. V., Antipov I. V., Makhanko M. A. Jonah of Oten. *Orthodox Encyclopedia*. Vol. 25. Moscow, 2010. Pp. 408–419. In Russian.

Petrov 1995 – Petrov D. A. Archbishop Jonah of Oten as a Ktitor of Novgorod Church Construction. *Russia Mediaevalis*. Vol. 8. 1. München, 1995. Pp. 114–137. In Russian.

Popov 1975– Popov G. V. Painting and Miniature of Moscow in the Mid-15th – Early 16th Centuries. Moscow, 1975. In Russian.

Putsko 2013 – Putsko V. G. Solovetsky Icon of the "Savior of Smolensk". *Solovetsky Sea*. 2013. 12. Pp. 46–50. In Russian.

Rumyantsev 1813 – Collection of State Charters and Treaties Stored in the State Collegium of Foreign Affairs. Part 1. Ed. by N. P. Rumyantsev. Moscow, 1813. In Russian.

Secretar, Shalina 2003 – Secretar L. A., Shalina I. A. Varlaam Khutynsky. *Orthodox Encyclopedia*. Moscow, 2003. Vol. 6. Pp. 635–640. In Russian.

Smirnova 1988 – Smirnova E. S. Moscow Icon of the 14th – 17th Centuries. Leningrad, 1988. In Russian.

Smirnova et al. 1982 – Smirnova E. S., Laurina V. K., Gordienko E. A. Painting of Veliky Novgorod. XV Century. Moscow, 1982. In Russian.

Speshilova 2023 – Speshilova E. I. Urban Imaginary: City Image and Media Space. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2023. Vol. 5. 3. Pp. 35–54. In Russian.

Stroganov 1849 – Antiquities of the Russian State. Ed. by S. Stroganov. Part 1. Moscow, 1849. In Russian.

Tereshkina 2015 – Tereshkina D. B. The Great Menaion Reader and Russian Literature of the New Age. Veliky Novgorod, 2015. In Russian.

Ulyanov 2010 – Ulyanov O. G. About the Time of Origin of the Conception 'Moscow – the Third Rome' in Old Rus' ("Donatio Constantini Magni" and "The Legend of the White Cowl"). *Terminology of Historical Science. History Writing*. Moscow, 2010. Pp. 196–214. In Russian.

Uspenskij 2023 – Uspenskij B. A. Jonas, Archbishop of Novgorod, and the Question of the Canonical Subordination of the Novgorod Diocese (To the History of the Struggle of the Moscow and Lithuanian Parties in Novgorod). *Slověne*. 2023. Vol. 12. 1. Pp. 42–82. In Russian.

Vzdornov 2017 – Vzdornov G. I. The Two-Sided Tablets from the St. Sophia Cathedral in Novgorod. Moscow, 2017. In Russian.

Zamyatina, Zamyatin 2007 – Zamyatina N., Zamyatin D. Genius Loci and the City: Options for Interaction. *Acta Eurasica*. 2007. 1. Pp. 62–87. In Russian.

Информация об авторе

Сергей Сергеевич Аванесов
доктор философских наук, профессор
директор научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика»
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Российская Федерация, 173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1081-4871
e-mail: iskiteam@yandex.ru

Information about the author
Sergey S. Avanesov
Dr. Sci. (Philosophy), Professor
Director of the Research and Educational Centre for Humanitarian Urbanistics
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
41, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1081-4871
e-mail: iskiteam@yandex.ru

Материал поступил в редакцию / Received 23.06.2024
Принят к публикации / Accepted 11.08.2024

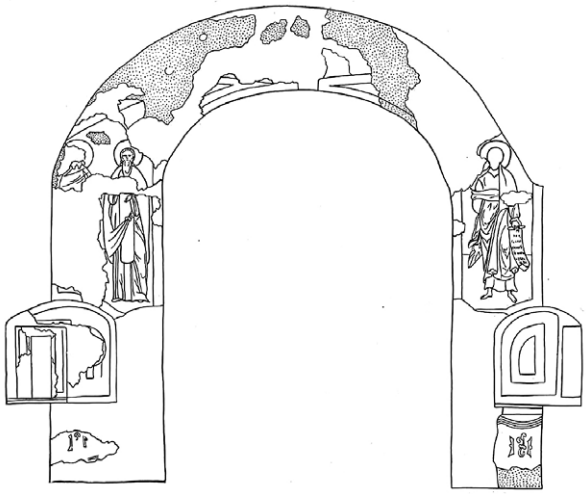

Ил. 1. Преподобный Варлаам Хутынский. Покров. 1579.
Новгородский государственный объединённый музей-заповедник. Инв. № ДРТ 3.
Источник: https://www.icon-art.info/masterpiece.php?mst_id=7787 (слева)
Ил. 2. Преподобный Сергий Радонежский. Покров. 1420-е гг.
Сергиево-Посадский государственный музей-заповедник. Инв. № 412.
Источник: https://www.icon-art.info/masterpiece.php?mst_id=6168 (справа)

Ил. 3. Вывоз вечевого колокола из Новгорода в 1478 г.
Лицевой летописный свод. XVI в. Л. 275 об.
Источник: ЛЛС 2014 б, 330 (слева)
Ил. 4. Поставление Ионы Отенского в архиепископа Новгородского
митрополитом Московским Ионой в 1459 г.
Лицевой летописный свод. XVI в. Л. 876 об.
Источник: ЛЛС 2014 а, 516 (справа)

Ил. 5. Храм преподобного Сергия Радонежского. Роспись восточной стены.
Источник: Ромашкевич 1977, 226

Ил. 6. Преп. Варлаам Хутынский. Резное дерево. Новгород, сер XVI в.
Из церкви св. Димитрия Солунского. НГОМЗ, инв. № НГМ КП 4723 ДРД-94.
Источник: https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/entity/OBJECT/103469?exposition=7791704&index=4 (слева)
Ил. 7. Храм преподобного Сергия Радонежского. Фрагмент росписи восточной стены.
Источник: Ромашкевич 1977, 229 (справа)

Ил. 8. Фёдор Алексеев. Вид в Кремле на церковь Рождества Иоанна Предтечи, Боровицкие ворота и Конюшенный двор. 1800-е гг. Москва, Государственный исторический музей, инв. № ИР 9814.
Источник: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/1732609?index=0&paginator=entity-set&entityType=OBJECT&entityId=6171669&attribute=like_predm

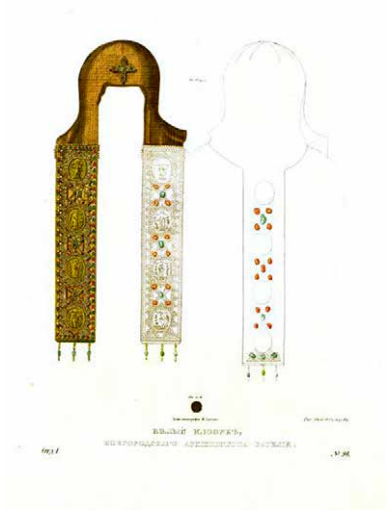

Ил. 9. Москва. Церковь Рождества св. Иоанна Предтечи после перестроек. Источник: Извеков 1913 (слева)
Ил. 10. Архиепископ новгородский Иона. Храм св. Симеона Богоприимца Зверина Покровского монастыря в Новгороде. Фото: С. Аванесов, 2019 (справа)

Ил. 11. Преподобный Сергий Радонежский. Храм св. Симеона Богоприимца Покровского Зверина монастыря в Новгороде. Фото: Сергей Аванесов, 2019 (слева)
Ил. 12. Преподобный Варлаам Хутынский. Храм св. Симеона Богоприимца Покровского Зверина монастыря в Новгороде. Фото: Сергей Аванесов, 2024 (справа)

Ил. 13. Белый клобук архиепископа Василия Калики.
Рис. Ф. Г. Солнцева. Древности Российского государства. Отд. 1. Л. 96.
Государственный исторический музей. Инв. № МФ/2–1211.
Источник: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/141238?album=622285746&index=34 (слева)
Ил. 14. Белый клобук архиепископа Василия Калики. Рис. Ф. Г. Солнцева.
Из открытых источников.

Ил. 15. Богоматерь Одигитрия с Троицей и избранными святыми.
Икона из Троице-Сергиева монастыря. Посл. четв. XV в.
Москва, Государственная Третьяковская галерея, инв. № 13015.
Источник: https://www.icon-art.info/masterpiece.php?mst_id=629

Ил. 16. Преподобные Харитон Исповедник, Варлаам Хутынский и Сергий Радонежский. Новгород, кон. XV – нач. XVI в. НГОМЗ. Инв. № 3106.
Источник: https://www.icon-art.info/masterpiece.php?mst_id=818

Ил. 17. Икона «Спас Смоленский» из собора Покрова на Рву. Москва, XIX в.
Источник: https://sammlung.ru/?p=73071&ysclid=luvmvi7mm3357868362

Ил. 18. Видение слепой монахини. Святые покидают Москву.
Лицевой летописный свод. XVI в. Л. 839.
Источник: ЛЛС 2014 в, 435 (слева)
Ил. 19. Преподобные Сергий и Варлаам умоляют святых не покидать Москву.
Лицевой летописный свод. XVI в. Л. 840.
Источник: ЛЛС 2014 в, 437 (справа)

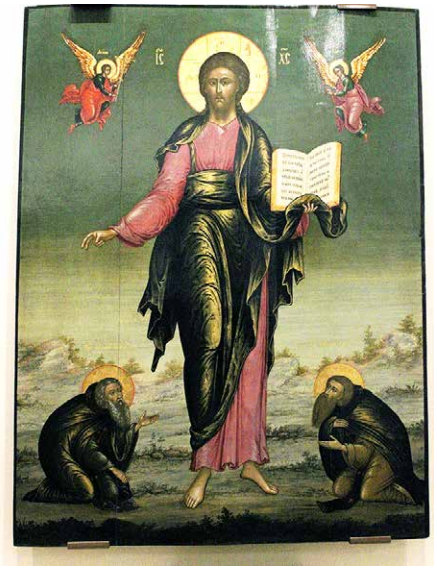
Ил. 20. Московские святые беседуют с Сергием и Варлаамом.
Лицевой летописный свод. XVI в. Л. 840 об.
Источник: ЛЛС 2014 в, 438 (слева)
Ил. 21. Совместная молитва Сергия, Варлаама и Московских святых.
Лицевой летописный свод. XVI в. Л. 841 об.
Источник: ЛЛС 2014 в, 440 (справа)

Ил. 22. Икона «Спас Смоленский». Москва, Кремль, Спасская башня.
Источник: https://smolensk.bezformata.com/listnews/spasskoy-bashne-moskovskogo-kremlya/110195683/?amp=1
Ил. 23. Спас Смоленский с притчами. Средник иконы.
Благовещенский собор Московского Кремля. Третья четверть XVI в.
Источник: https://www.icon-art.info/detail.php?det_id=5280

Ил. 24. Спас Смоленский. Москва. Конец XVIII в.
Государственный Исторический музей. Инв. № И VIII 1250.
Ил. 25. Спас Смоленский. Новгород, XVIII век. НГОМЗ, инв. № КП 33229.
Фото: Сергей Аванесов, 2024